

Проф. С. И. Ковалев

ЗАГОВОР «ПАЖЕЙ»

Решительным шагом в сторону ориентализации придворного македонского церемониала во время восточного похода Александра была попытка введения «проскинесиса» (προσκύνησις — падение ниц¹). А р р и а н IV, 99,—12, 5) и П л у т а р х (Al., 54) рассказывают об этом непосредственно за смертью Клита², но без точного указания временной последовательности³. Ю с т и н (XII, 7, 1) и особенно К у р ц и й (VIII, 4, 1) дают более точные указания. Во всяком случае, попытка проскинесиса имела место несколько месяцев спустя после инцидента в Самарканде, весной 327 г., незадолго до вторжения в Индию (P l u t., 57; C u r t., VIII, 5, 1; I u s t., XII, 7, 4; D i o d., XVII, argum.). В рассказе о том, при каких обстоятельствах партия Александра пыталась ввести проскинесис, наши источники расходятся. У Арриана мы находим два варианта. Первый (IV, 9,9; 12,2) излагается в косвенной речи без упоминания источника (λόγος κατέχευε). Александра толкает на введение поклонения мысль о том, что его отцом является Аммон, и восхищение персидскими обычаями. Не малую роль в этом играют льстивые уговоры окружающих, особенно философа Анаксарха и поэта Агиса Аргивянина. Каллисфен всего этого не одобряет. Александр заранее условился с греческими философами и знатнейшими из персов и мидян, что на пиру они внесут предложение о проскинесисе. С речью об этом выступил Анаксарх. Те, кто был посвящен в план, выразили одобрение словам Анаксарха и хотели начать обряд поклонения. Но большинство македонян, недовольное предложением, молчало. Слово взял Каллисфен, протестовавший

¹ Спорный вопрос о том, служил ли проскинесис, в действительности, знаком божеского почитания монарха (K a e r s t, I, 443 отрицает это; греки и македоняне, во всяком случае, считали его таким знаком: A r r., IV, 10, 6—7; 11, 2—5; C u r t., VIII, 5, 5—18; I u s t., XII, 7, 1, 3; ср. K a e r s t, Studien, 49), мы оставляем без рассмотрения, ибо его решение не является существенным для нашей задачи. Важно то, что поклонение ниц служило высшим выражением покорности и в качестве такового было в достаточной степени чуждо и грекам и македонянам.

² У Диодора в оглавл. XVII кн. описание смерти Каллисфена следует тотчас же за рассказом о гибели Клита. Так же в «Итинерарии» (гл. 92).

³ А р р и а н (IV, 14, 4), описывая заговор пажей, непосредственно связанный у него с проскинесисом, заканчивает свой рассказ так: «Это случилось немного позднее, но я рассказал об этом вместе с делом Клита, так как мне казалось, что оба инцидента больше подходят друг к другу».

против того, чтобы смертному, хотя бы этим смертным и был сам Александр, оказывать божеские почести. Это подходит варварам, но не грекам и македонянам. Александр был сильно раздражен речью Каллисфена, но македонянам она пришлась очень по душе. Почувствовав их настроение, Александр запретил больше упоминать о проскинесисе. «Однако,— говорит Арриан,— среди наступившего молчания старейшие из персов, встав, по очереди совершили чин поклонения». Когда один из этеров, Леоннат, стал смеяться над поклонами, Александр на него рассердился, но затем простил его.

Согласно другому варианту¹, Александр на пиру обратился с тостом к тем, с кем было заранее условлено. Первый из них выпил чашу, встал, поклонился царю и получил от него поцелуй. То же самое проделали и остальные. Когда очередь дошла до Каллисфена, он выпил чашу и, подойдя к Александру, хотел поцеловать его, не поклонившись. Царь в это время разговаривал с Гефестионом и не заметил, что Каллисфен отклонился от проскинесиса. Но один из этеров Деметрий, сын Питонака, обратил на это внимание Александра, и тот не позволил себя поцеловать.

У П л у т а р х а (Al., 54) соответствующий рассказ, который он передает со слов Хареса, по содержанию очень близок ко второму варианту Арриана. Разница только в том, что у Плутарха вместо Деметрия, сына Питонака, фигурирует Фейдон. Но любопытно, что непосредственно перед изложением Хареса у Плутарха есть место, которое, очевидно, соответствует первому варианту Арриана. Плутарх говорит: «Твердо, как истинный философ, отвергнув проскинесис, Каллисфен один только открыто высказал то, на что молча негодовали лучшие и старшие из македонян. Греков он спас от большого позора, но еще от большего— Александра, отговорив его от введения поклонения». Ясно, что это место совершенно не вяжется с дальнейшим, т. е. с рассказом Хареса, и представляет собой краткое изложение того, что у Арриана весьма подробно описано в его первом варианте.

Изложение К у р ц и я (VIII, 5, 5—8) проникнуто резкой антиалександровской тенденцией. В основном оно совпадает с первым вариантом Арриана. Разница в именах и в деталях. Так, у Курция лицами, которые лестью подстрекают Александра на введение проскинесиса, названы поэт Агис Аргивянин и сицилиец Клео. Александр уходит с пира в самом начале, так что все дальнейшие разговоры происходят в его отсутствие (у Арриана этот момент не вполне ясен). С речью выступает Клео, а не Анаксарх, как у Арриана. У Курция ясно сказано, что Александр, узнав о настроении македонян, приказал окончить разговор, но разрешил, чтобы персам было позволено совершить поклонение, тогда как текст Арриана не дает возможности сказать, кому, собственно, был запрещен проскинесис. Смеется над персами не Леоннат, а Полиперхон, причем у Курция этот последний инцидент изложен с различными драматическими подробностями.

Ю с т и н (XII, 7, 1—2) не сообщает никаких подробностей: *Dein, quod primo distulerat, ne omnia pariter invidiosiora essent, ex Persico superbiae regiae more non salutari, sed adorari se iubet. Acerrimus inter recusantes Callisthenes fuit... Retentus tamen est a Macedonibus mos salutandi regis explosa adoratione.* Начало фразы напоминает Курция, а конец—первый вариант Плутарха. В «Итинерарии» (92) скорее видно влияние той традиции, которая отразилась в первых вариантах Арриана и Плутарха, а также у Курция.

¹ Его, очевидно, Арриан заимствовал у Хареса, так как рассказ Плутарха (см. ниже) очень близок ко второму варианту Арриана.

Таким образом, в наших источниках совершенно ясно выступают две традиции в рассказе о введении проскинесиса. Обе они настолько резко отличаются одна от другой, что не могут быть приведены к одному первоисточнику. Первая особенно полно представлена первым вариантом Арриана и Курцием, а в более сжатой форме ее дает первый вариант Плутарха. Отголоски ее находим у Юстина и в «Итинерарии». Эта традиция риторична, проникнута антиалександровской тенденцией и уделяет очень много внимания Каллисфену, как мужественному и благородному защитнику греко-македонской свободы. Согласно ей, попытка введения проскинесиса среди македонян и греков не удалась Александру. Первоисточник ее неизвестен. Вторая традиция почти в неизменной форме отразилась во вторых вариантах Арриана и Плутарха. Она диаметрально противоположна первой. В ней нет никаких следов риторики, и Каллисфен играет в ней довольно второстепенную и отнюдь не героическую роль. В поклонении принимают участие не исключительно только персы, но вообще друзья Александра. Эта традиция восходит к Харесу, как своему первоисточнику. Для историка, конечно, не может быть сомнения, какой традиции отдать предпочтение. Рассказ Хареса своей безыскусственностью производит впечатление полной достоверности и должен быть положен в основу нашего представления о том, как в действительности обстояло дело с введением обряда поклонения.

Тотчас же за описанием проскинесиса наши источники рассказывают о заговоре «пажей» (Агг., IV, 12, 7—14, 4; Плут., Ал., 55; Курт., VIII, 6, 2—8, 23; «Itiner.», 93—94; Юст., XII, 7, 2). Отсюда можно заключить, что он был организован также весной 327 г. Институт «пажей» был создан еще Филиппом. «Пажи» («дети», или «царские дети» — βασιλικὸι παῖδες — по официальной терминологии) набирались из детей служилой македонской знати¹, достигших юношеского возраста (Агг., IV, 13, 1). Их обязанностью являлась личная служба царю, «не многим отличавшаяся от обязанностей рабов», замечает Курций, со свойственным ему подчеркиванием «тиранических» стремлений Александра и приниженного положения при нем македонской знати. Впрочем, тот же Курций указывает, что пажи имели право есть за одним столом с царем. Среди этой-то привилегированной молодежи и возник заговор на жизнь Александра. Состав участников его в источниках рисуется следующим образом:

у Арриана:	у Курция	в Итинерарии ²
1. Гермолай, сын Сополида	1. Гермолай, сын Сополида	1. Гермолай
2. Сострат, сын Аминты	2. Сострат	2. Сострат
3. Антипатр, сын Асклепиодора, б. сатрапа Сирии	3. Антипатр	3. Антипатр, сын Асклепиодора
4. Эпимен, сын Арсея	4. Эпимен	4. Эпимен
5. Антикл, сын Феокрита	5. Антикл	5. Антикл
6. Филота, сын Карсида фракийца	6. Филота	6. Филота
	7. Никострат	7. Аминта
	8. Асклепиодор	
	9. Элаптоний	

Шесть первых имен звучат одинаково. Сам по себе этот факт был бы еще недостаточен для доказательства их историчности, так как все три источника в рассказе о заговоре обнаруживают большую близость (Арриан в своей основной части) и могут зависеть от одного первоисточника. Более серьезным доказательством является точное указание происхождения

¹ Aelian. v. h. XIV, 48; Curt., VIII, 6, 2; «Itiner.», 93.

² Из других источников только Плутарх называет одного Гермолая.

каждого из заговорщиков у Арриана. Правда, не во всех случаях можно проверить это происхождение. Но, по крайней мере, по отношению к отцам двух пажей это сделать возможно: Сополид и Асклепиодор неоднократно упоминаются в других местах в качестве верных слуг Александра¹. Что касается трех последних имен у Курция и последнего имени в «Итинерарии», то три из них довольно подозрительны. Асклепиодора Курций, по всей вероятности, спутал с отцом Антипатра. Элаптоний, надо думать, имя испорченное, а Аминта в «Итинерарии», вероятно, тождественен с отцом Сострата. Имя Никострата прямых подозрений не внушает, но встречается только в одном месте у Курция.

Помимо лиц, прямо указанных в источниках в качестве, так сказать, «инициативной группы», можно предположить, что они имели сообщников среди других пажей. По крайней мере, А р р и а н (IV, 13, 7) говорит, что обвиняемые «под пыткой признались сами в заговоре, а также называли и некоторых других».

Таким образом, заговор, надо думать, охватывал довольно большое число лиц и организован был, несмотря на молодость участников, неплохо, если верить Курцию. Этот последний подробно и с чрезвычайно характерными деталями, заставляющими, хотя бы частично, допустить их историчность, рассказывает (VIII, 6, 9—20), как в течение 32 дней подготавливали заговорщики осуществление своего плана, сколько усилий должны были употребить, чтобы подобрать однородный состав дежурных пажей, как они радовались, что из их среды не нашлось предателей, и как, наконец, по чистой случайности, сорвалось столь хорошо налаженное дело.

Причинами заговора наши источники, как всегда, считают личный мотив. Гермолай на охоте слишком поторопился и лишил Александра хорошего выстрела. За это царь приказал его высечь (по Арриану, в присутствии товарищей, а кроме того, отнять еще и коня). Он один, по словам Курция, имел право применять телесные наказания по отношению к пажам (VIII, 6, 5; ср. также 8, 3). Гермолай решил отомстить и для этого подговорил своих товарищей убить царя. По Курцию, инициатором заговора был Сострат, возлюбленный Гермолая, который, видя избитое тело своего друга, «а, быть может,—говорит Курций,—и раньше по какой-нибудь причине питая злобу на царя», подбил Гермолая на заговор. Уже априори мотивация заговора кажется весьма подозрительной. Идея столь серьезного акта, как убийство Александра, даже принимая во внимание молодость заговорщиков, не могла принять определенные и довольно широкие организационные формы без соответствующих общественных предпосылок. Случай на охоте можно допустить лишь в качестве повода к заговору, но отнюдь не как его причину. В дальнейшем это станет для нас еще яснее.

О том, что собирались делать заговорщики после убийства царя, ничего не известно. Возможно, что они и сами этого хорошо не знали. Психологически здесь нет ничего невероятного, тем более, что это была действительно незрелая молодежь, не отдававшая себе, быть может, вполне ясного отчета в последствиях своего поступка. Возможно, что у них и имелся в виду какой-нибудь кандидат в качестве преемника Александру. Кто это мог быть, сказать очень трудно, так как после смерти Пармениона в армии едва ли можно было найти достаточно подходящее лицо. Бесспорно, на всем предприятии лежал известный налет юношеского легкомыслия. Но это, конечно, отнюдь не уничтожает его политической значимости.

¹ Сополид: А г р., I, 2, 5; III, 11, 8; IV, 18, 3; Асклепиодор: А г р., IIIз, 5, 1; 6, 8; IV, 7, 2.

Заговор не удался. В ту ночь, в которую было назначено убийство, Александр пировал с друзьями до утра, и, когда он пошел спать, заговорщики были автоматически сменены новыми дежурными, не посвященными в заговор¹. О раскрытии заговора и Арриан и Курций передают со слов какого-то одного источника. На следующий день один из участников, Эпимен, рассказал о заговоре своему возлюбленному Хариклу, сыну Менандра². Харикл передал обо всем Эврилоху, брату Эпимена, а этот последний сообщил Птолемею. Птолемей тотчас поставил в известность Александра, который приказал арестовать заговорщиков. Последние под пыткой во всем сознались, и, кроме этого, назвали несколько соучастников (Агг., IV, 13, 7). У Курция (VIII, 6, 20 сл.) Эпимен рассказывает о заговоре непосредственно Эврилоху. Этот последний идет к Птолемею вместе с братом. Описание Курция полно различными деталями, не дающими, впрочем, ничего существенного для понимания дела.

После признания заговорщики были судимы в собрании македонян и побиты камнями (Plut., Al., 55; Агг., IV, 14, 3; ср. Curt., VII, 8, 20; Iust., XII, 7, 2)³. Различные подробности этого суда, сообщаемые Курцием (VIII, 6, 28—8, 19), не свободны от противоречий и мало достоверны. Но на одной детали необходимо остановиться. У Курция Гермолай произносит длинную речь, которую можно было бы назвать программой македонской оппозиции. Эта же речь в краткой форме есть у Арриана (IV, 14, 2): «Некоторые историки рассказывают, что Гермолай, приведенный в собрание македонян, подтвердил, что он действительно устроил заговор, ибо свободному человеку невозможно было снести деспотизм Александра. А затем он выложил все: и незаконную смерть Филоты, и еще более незаконную гибель его отца Пармениона и других, которые тогда расстались с жизнью, и убийство Клита в пьяной ссоре, и персидскую одежду, и еще не оставленное намерение ввести проскинесис, и беспросыпное пьянство Александра. Не будучи в силах снести все это, он решил освободить себя и других македонян». Александр не только терпеливо выслушивает эту вызывающую речь, но у Курция даже отвечает на нее столь же пространной речью. В ней есть один любопытный момент. Возражая против обвинения в том, что персы у него пользуются большим уважением, чем македоняне, Александр дает замечательное обоснование своей восточной политики: «Я пришел в Азию не для того, чтобы искоренять народы и половину мира превратить в пустыню, но и для того, чтобы и побежденные не тяготились моей победой. Поэтому они служат вместе с вами и за вашу власть проливают свою кровь. В противном случае они восстали бы. Не долговременно владение, которое вводят мечом, а признательность за благодеяния вечна. Если мы хотим владеть Азией, а не только пройти через нее, нам нужно оказывать им благоволение... Однако ведь я переношу в Македонию их нравы и обычай. У многих народов я нахожу то, чему нам нестыдно было бы подражать. Нельзя управлять таким государством без взаимного обмена культурными ценностями».

Весь этот обмен программными речами на военной сходке мало вероятен. Едва ли Александр мог позволить обвиняемому перейти на роль об-

¹ Вариант Аристовула (Агг., IV, 13, 5; Curt., VIII, 6, 16—17) о сирийской пророчице, убедившей якобы царя остаться на пирушке, является, конечно, выдумкой.

² Возможно, что отец Харикла тождествен с тем Менандром, о котором неоднократно упоминает Арриан (III, 6, 7; 6, 8; VII, 23, 1; 24, 1).

³ Суровая расправа с ними (пытки, казни) объясняется тем, что Александр повади заговора видел всю ту же старую политическую оппозицию.

винителя, да еще в такой форме. Речи интересны для нас с другой точки зрения, именно как показатель отношения к событиям античной историографии. Речь Гермолая (в сжатой ли форме у Арриана или в расширенной у Курция) представляет яркий образец той враждебной к Александру традиции, которая неоднократно выступает в наших источниках (особенно у Юстина, а также у Курция). Каково бы ни было ее происхождение, речь Гермолая удачно выражает настроение македонской оппозиции¹. Что же касается речи Александра, то и она чрезвычайно четко формулирует его программу, в некоторых пунктах, быть может, яснее, чем мог формулировать ее он сам! Во всяком случае, любопытно, что уже античная историография, вложив в уста Александра эту речь, обнаружила большое понимание существа его восточной политики.

Перейдем теперь к последнему вопросу, который еще больше должен выяснить нам характер заговора пажей,—к вопросу о роли в нем Каллисфена. Здесь в источниках много неясностей и противоречий. Пл у т а р х (Al., 55), вероятно, продолжая излагать Хареса, рассказывает, что после того, как Каллисфен отказался принять участие в проскинесисе, Александр стал его чуждаться. Большую роль в этом сыграл Гефестион, который сообщил царю, что Каллисфен первоначально согласился на проскинесис, а потом не сдержал своего обещания. Затем разные «Лизимахи и Гагноны» стали напештывать Александру, «что софист ходит с гордым видом и хвастается, что он-де уничтожил тиранию, а мальчишки бегают за ним, считая его одного свободным человеком среди стольких тысяч». Эти обвинения получили основание после того, как был открыт заговор пажей. Теперь Каллисфена стали обвинять в том, что он прямо подстрекал Гермолая на убийство царя, «хотя,—говорит Плутарх,—никто из сообщников Гермолая, даже среди страшных мук, не выдал Каллисфена». Сам Александр в письмах, тогда же отправленных им Кратеру, Атталу и Алкете, говорит, что пажи под пыткой сознались, что они организовали все сами без помощи кого-нибудь другого. Но впоследствии, в письме к Антипатру, он обвиняет и Каллисфена: «Пажей,—пишет он,—побили камнями македоняне; а софиста я сам накажу, равно как и тех, кто послал его и кто принимает в городе лиц, устраивающих против меня заговоры». Относительно смерти Каллисфена Плутарх сообщает несколько вариантов. «Одни говорят, что Александр приказал его повесить, а другие,— что он заболел в темнице. По словам Хареса, Каллисфена после ареста семь месяцев держали в заключении, чтобы судить в совете в присутствии Аристотеля, но, когда Александр был ранен в Индии, он умер от ожирения и чесотки».

А р р и а н, после рассказа о проскинесисе, продолжает (IV, 12, 7): «Я полагаю, что не без основания Александр возненавидел Каллисфена из-за его неуместной откровенности и крайней бестактности. Отсюда я заключаю, что не трудно было поверить тем, которые обвиняли Каллисфена в том, что он принимал участие в заговоре пажей против Александра или даже (как утверждали другие), что он подстрекал их». Ниже, передав историю заговора, А р р и а н излагает мнения своих источников о виновности Каллисфена (IV, 14, 1). «Аристобул говорит, что (пажи) признались в том, что Каллисфен подбил их на заговор. И. Птолемей утверждает то же самое. Большинство же полагает, что Александр потому легко поверил худшему о Каллисфене, что он уже раньше ненавидел его и что Гермолай был в высшей степени ему предан». О смерти Каллисфена

¹ Очень характерна, например, такая фраза Гермолая (C u r t., VIII, 7, 4): «Много ли македонян успело от твоей свирепости? Кто пережил ее, если он только человек не подлой крови?».

А р р и а н передает свидетельства Аристобула и Птолемея (IV, 13, 3): «Аристобул говорит, что Каллисфена в окопах возили вместе с войском, а затем он умер от болезни. По утверждению же Птолемея, сына Лага, его повесили после пытки».

Точно так же К у р ц и й после описания проскинесиса говорит, что Александр разгневался на Каллисфена, «и прежде внушавшего подозрения своей оппозиционностью (*contumacia*)». «Скоро царю представился удобный случай для сведения счетов с Каллисфеном» (VIII, 6, 1). Далее излагается история заговора. Рассказывая о том, как Эпимен все подробно объяснил царю и назвал имена заговорщиков, К у р ц и й замечает (IV, 6, 24—25): «О Каллисфене было известно, что он не назван в качестве участника преступления, но что он обычно охотно слушал речи юношей, бранящих царя. Некоторые прибавляют, что, когда Гермолай жаловался ему по поводу наказания, Каллисфен сказал: «Вам нужно помнить, что вы уже не дети». Эту фразу можно было понимать двояко: либо она сказана была в утешение, либо с той целью, чтобы больше возбудить негодование в юношах». Когда заговорщики были схвачены, вместе с ними был арестован и Каллисфен (6, 27). Но его не привели на суд вместе с другими (6, 29). Царь в своей речи трижды называет Каллисфена «учителем» заговорщиков (7, 3; 8, 1, 19). Но Гермолай категорически отверг это обвинение: «Вот здесь, говорит он, стоят те, которые вместе со мною задумали это благородное дело. Среди них нет никого, кто бы сказал, что Каллисфен был нашим соучастником, хотя уже давно он осужден на смерть справедливейшим и кротчайшим государем» (7, 10). По Курцию, Каллисфен погиб после пыток (*tortus interiit*), погиб потому, что, хотя он и был невиновен в заговоре на жизнь царя, но не подходил к придворным нравам (8, 21).

Ю с т и н (XII, 7, 2) кратко замечает, что Каллисфен и многие знатные македоняне были убиты под предлогом их участия в заговоре (*sub specie insidiarum*). В «Итинерарии» Гермолай изображен в виде ревностного последователя Каллисфена, почему на этого последнего также пало подозрение. Но Гермолай даже под пыткой утверждал, что не было иной причины заговора, кроме наказания, наложенного на него царем¹.

Для того чтобы разобраться в этих противоречивых показаниях источников, от которых еще античные историки приходили в отчаяние², необходимо выбрать какой-нибудь отправной пункт, меньше всего внушающий подозрения. Таким исходным пунктом, конечно, не могут быть свидетельства Птолемея и Аристобула, приводимые Аррианом. Этим авторам очень мало можно верить в тех вопросах, которые так или иначе могли бы бросить тень морального осуждения на царя. Гораздо надежнее в данном случае рассказ Плутарха. Во-первых, весь отрывок его, начиная с изложения второго варианта истории с проскинесисом и кончая смертью Каллисфена, позволяет допустить широкое использование Хареса, о высоких качествах которого, как историка, мы уже говорили выше. Плутарх в этом отрывке два раза упоминает его имя, да и начало IV главы хорошо увязывается с концом предыдущей³. Во-вторых, у Плутарха мы встречаем также использование писем Александра, в подлинности

¹ Известное место Ю с т и н а (XV, 3, 3—6), где рассказывается, что Каллисфен умер от яда, данного ему Лизимахом, который таким путем хотел избавить его от мучений, равно как и бесчисленное количество известий о его смерти позднейших античных писателей являются (там, где они не зависят от основных источников) чистейшей фантазией.

² А р р., IV, 14, 3—4.

³ De Al. M. epistolarum comm., 64—69.

которых, как убедительно показал Pridik, нет оснований сомневаться. Наконец, и внутреннее правдоподобие рассказа Плутарха, как увидим сейчас, весьма велико.

Если, таким образом, мы возьмем за отправной пункт Плутарха, картина сразу же проясняется. После того, как Каллисфен выступил в качестве противника проскинесиса¹, он сразу же оказался в центре внимания оппозиции, с которой до сих пор у него отношения вовсе не были особенно близкими, если судить по его позиции в деле Филоты Пармениона² и убийстве Клита, где он, судя по некоторым источникам³, выступил в роли утешителя Александра. Его положение знаменитого писателя, до сих пор безоговорочно стоявшего на стороне Александра и сверх всякой меры его восхвалявшего⁴, а теперь также очутившегося в оппозиции, должно было привлечь к нему македонскую аристократическую молодежь, полную своеобразного «демократизма», в данную минуту особенно обострившегося благодаря истории с проскинесисом.

«Мальчишки», действительно, за ним бегали, а он вещал громкие слова о свободе и тирании. Эти речи, в которых, вероятно, не содержалось прямого призыва к убийству Александра, падали на весьма благодарную почву. Таким образом, Каллисфен стал на одно мгновение как бы идеологом оппозиции⁵, чем и объясняется суровая расправа Александра со своим недавним панегиристом⁶. Участия в заговоре Гермолая Каллисфен, конечно, не принимал. В пользу этого, помимо писем Александра⁷, говорят и соображения психологического порядка. Самый характер этого полуребяческого заговора не допускал участия в нем взрослых, хотя бы этим взрослым и был сам Каллисфен. Психология незрелой молодежи, к тому же проникнутой аристократическо-корпоративным духом, в этом отношении достаточно известна⁸.

¹ Роль Каллисфена в 1-м варианте, как мы видели выше, преувеличена. Слишком мягко выражается Kroll (Kallisthenes, 1680): «Возможно, что роль Каллисфена в вопросе о введении проскинесиса несколько преувеличена». Его поведение вовсе не было таким принципиальным и мужественным, как это изобразила позднейшая перипатетическая традиция. Очень характерна, например, деталь, сообщаемая Плутархом—Харесом, что Каллисфен хотел избежать проскинесиса, так сказать, «под шумок» и что он обещал Гестияну свое участие в обряде поклонения, а в решительный момент не сдержал слова. Все это отнюдь не свидетельствует в пользу Каллисфена и мало вяжется с его образом, нарисованным Плутархом в 53 и начале 54 гл. под влиянием вульгарной традиции (1-й вариант).

² Чистейшей выдумкой, конечно, является место А р р и а н а (IV, 10, 3—4), где описывается совершенно фантастический разговор Каллисфена с Филотой о тираноубийстве. Упоминаемый здесь Филота, без сомнения, сын Пармениона, а не участник заговора пажей, как ошибочно думает Droysen, II, 93, прим. 1.

³ Plut., Al, 52; Iust., XII, 6, 17; ср. Curt., VIII, 8, 22.

⁴ См. знаменитые фрагменты 7 и 16.

⁵ W. Kroll, 1680, неправ, думая, что подход македонской знати к вопросу о проскинесисе был совершенно иным, чем подход Каллисфена, и что поэтому Каллисфен не мог стать вождем македонской оппозиции. Принципиальной разницы в подходе не было, и Каллисфен вовсе не до конца стоял на стороне царя против знати.

⁶ При каких обстоятельствах погиб Каллисфен, является вопросом второстепенным. Мне кажется, что правы Харес и Аристул, а не Птолемей. Ср. Strab., XI, 517; Pridik, 65, прим. 1. Возможно компромиссное решение, которое отчасти примирило бы равногласия источников: Каллисфен был казнен после того, как он некоторое время пробыл в заключении.

⁷ Письмо к Антипатру вовсе не служит доказательством участия Каллисфена в заговоре. Царь в нем не говорит, за что именно он накажет философа. Очевидно, речь идет о наказании за идейное вдохновительство.

⁸ Отрицанию участия Каллисфена в заговоре, строго говоря, не противоречат и свидетельства Птолемея и Аристула. По их словам, пажи сознались, что Кал-

Но почему грек Каллисфен оказался в оппозиции? Это особый вопрос, относящийся к особой теме о характере греческой оппозиции Александру, в подробное рассмотрение которого мы сейчас входить не можем. Говоря кратко, та часть чисто греческой оппозиции, которую представлял Каллисфен, выросла из тех же корней, что и македонская: она выражала собой противодействие ориентальной политике Александра во имя эллинской программы покорения Востока. Выступила она, естественно, гораздо позднее, чем македонская, носившая менее принципиальный и более «практический» характер. Проскинесис служил здесь прекрасным предлогом, будучи ярким символом нового самодержавия Александра. Каллисфен, как мы видели, был далеко не идеальным представителем этой оппозиции, но все-таки он им был¹. Раз выступив, греческая оппозиция, идеологически гораздо более сильная, оказалась не только в контакте с македонской, но и на короткое время возглавила ее. Однако было уже поздно: оппозиция знати умирала, и заговор пажей был ее последним скольконибудь широким проявлением.

Таким образом, Александру в конце концов удалось сломить сопротивление непокорной части своей знати. Сначала, опираясь на широкую группу новой филипповской служилой знати, он раздавил оппозицию старых родовых элементов². Затем, во время азиатского похода, среди этой группы, в свою очередь, начинается расслоение. Одна часть ее, во главе с самим Александром, становится на точку зрения «универсальной» монархии с резко выраженными чертами восточного абсолютизма и начинает проводить политику сближения с персами. Другая часть остается на старой филипповской программе македонского или, в лучшем случае, греко-македонского государства типа «патриархальной» монархии. Между обеими группами начинается борьба, окончившаяся победой Александра. Но македонская оппозиция на этом не прекращается. В дальнейшем ее носительницей становится масса македонской пехоты, т. е. македонское крестьянство.

Каллисфен подстрекнул их на заговор. Возможно, что они в этом сознались под пыткой. Но что значит «подстрекнул»? Идеиное вдохновительство также подходит под это понятие, и отсюда вовсе не следует, что Каллисфен был действительным участником предпринятия (Pridik, 65).

¹ Нет никакого противоречия между панегирическим тоном исторического труда Каллисфена и выступлением на стороне оппозиции. До определенного момента Каллисфен был панегиристом Александра, потому что этот последний воплощал для него эллинскую программу. Но впоследствии, когда он понял, что программа Александра — не его программа, он отошел от царя.

² Само собой разумеется, провести резкую грань между «родовой» македонской и «служилой» знатью невозможно. Поэтому и позднее в составе оппозиции Александру было, конечно, не мало старых родовых элементов.